

Story

МАРИО ЭСКОБАР

КОЛЫБЕЛЬНАЯ
АУШВИЦА

Мы перестаем существовать,
когда не остается никого, кто нас любит

БОМБОРА

Выбирая жизнь. Книги о силе духа

Марио Эскобар

**Колыбельная Аушвица. Мы
перестаем существовать, когда не
остается никого, кто нас любит**

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.134.2
ББК 84(4Исп)-44

Эскобар М.

Колыбельная Аушвица. Мы перестаем существовать, когда не остается никого, кто нас любит / М. Эскобар — «Эксмо», 2018 — (Выбирая жизнь. Книги о силе духа)

ISBN 978-5-04-186063-9

Хелен Ханнеманни и ее семья переезжают в Берлин в поисках лучшей жизни. В большом городе можно раствориться, а именно так можно выжить в новой Германии — превратиться в невидимку. Но худшие опасения Хелен сбываются, когда ее мужа, виртуоза-скрипача, сначала увольняют из Берлинской консерватории, а после по приказу СС арестовывают вместе с их детьми. Хелена могла остаться на свободе, в отличие от ее мужа-цыгана и их пятерых детей, но она отказалась бросать семью. В лагере ей предстоит сделать еще более судьбоносный выбор: сдаться и подчиниться воле судьбы или бороться и спасти, ценой своей жизни, маленьких узников Аушвица. В книге две концовки: художественная и реальная, каждый читатель сам решает, чем закончится история Хелен и ее семьи.

УДК 821.134.2
ББК 84(4Исп)-44

ISBN 978-5-04-186063-9

© Эскобар М., 2018
© Эксмо, 2018

Содержание

Предисловие автора	7
Пролог	8
Глава 1	9
Глава 2	14
Глава 3	19
Глава 4	23
Глава 5	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Марио Эскобар

Колыбельная Аушвица

Мы перестаем существовать, когда не остается никого, кто нас любит

Моей любимой жене Элизабет, с которой мы вместе посетили Аушвиц и которая влюбилась в эту историю. Мне хочется провести с тобой остаток жизни

Более чем двадцати тысячам этнических цыган, над которыми издевались и которых убили в Аушвице, и четверти миллиона, убитым в лесах и рвах Северной Европы и России

Ассоциации памяти геноцида цыган (Asociación de la Memoria del Gencidio Gitano) за их борьбу ради истины и справедливости

Противоположность любви – не ненависть, а безразличие. Противоположность красоты – не уродство, а безразличие. Противоположность веры – не ересь, а безразличие. И противоположность жизни – не смерть, а безразличие к жизни и смерти.
– **Эли Визель**

Через час после выезда из Кракова наша колонна остановилась на большой станции. На указателе было написано название «Аушвиц». Для нас это ничего не значило. Мы никогда не слышали об этом месте.
– **Миклош Нисли**

Нужно было обладать необычайной моральной силой, чтобы удержаться на краю нацистской низости и не сорваться в яму. И все же я видела, как многие интернированные до самого конца держались за свое человеческое достоинство. Нацистам удалось унижить их физически, но они не смогли унижить их морально.
– **Ольга Лендбель**

Mario Escobar
Auschwitz Lullaby

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Copyright © 2018 by Mario Escobar

Published by arrangement with Thomas Nelson, a division of HarperCollins Christian Publishing, Inc.

© Перфильев О., перевод на русский язык, 2023

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2023

Предисловие автора

«Колыбельная Аушвица» оказалась самой трудной книгой за всю мою карьеру писателя. Но это не из-за трудностей с изложением или сомнений в том, куда движется сюжет. Меня беспокоило то, что на страницах этой книги я не смогу передать истинное величие духа Хелены Ханнеманн.

Люди – это мимолетное дуновение ветерка посреди урагана обстоятельств, но история Хелены напоминает нам о том, что мы можем оставаться хозяевами своей судьбы, даже если против нас будет настроен буквально весь мир. Не могу утверждать, что эта книга сделала меня лучше, но она точно научила меня меньше оправдываться за свои ошибки и слабости.

Услышав историю Хелены, мой друг и издатель Ларри Даунс сказал, что ее должен узнать весь мир. Но зависит это не от нас, а от тебя, дорогой читатель, и от твоей любви к правде и справедливости. Помоги мне поведать миру историю Хелены Ханнеманн и ее пятерых детей.

Мадрид, 7 марта 2015 года

(чуть более семидесяти лет после освобождения Аушвица)

Пролог

Март 1956 года

Буэнос-Айрес

На время крутого подъема самолета я затаил дыхание. За все шесть проведенных в Аргентине лет я практически не выбирался за пределы Буэнос-Айреса. От мысли о том, что мне придется много часов просидеть в тесном пространстве, у меня сдавило грудь. Но вот самолет выровнялся, и дыхание у меня восстановилось. Я успокоился.

Миловидная стюардесса спросила, не хочу ли я чего-нибудь выпить, и я сказал, что чай будет в самый раз. Может быть, и нужно было заказать что-нибудь покрепче, чтобы успокоить нервы, но я отказался от спиртного еще в Аушвице. Было отвратительно наблюдать, как мои коллеги изо дня в день напиваются, а комендант Рудольф Хесс с остекленевшим взглядом едва ли что-то соображает. В последние месяцы войны многие пытались заглушить алкоголем отчаяние от поражений и боль от потери жен и детей, погибших в результате налетов авиации противника. Но я считал, что, несмотря на любые обстоятельства, немецкий солдат – а тем более член СС – должен оставаться собранным.

Стюардесса аккуратно поставила чашку с горячим чаем на откидывающийся столик, и я с улыбкой поблагодарил ее. У девушки были совершенные черты. Полные губы, ярко-синие глаза, маленькие румяные щеки – идеальное арийское лицо.

Сделав несколько глотков, я перевел взгляд на свой потертый чемодан. Чтобы не скучать в полете, я взял с собой несколько учебников по биологии и генетике. А еще – даже не могу объяснить почему – в последнюю минуту я захватил пару тетрадей из детского сада при цыганском лагере в Аушвице-Биркенау¹. Много лет назад я сложил их вместе со своими отчетами о проведенных в Аушвице генетических исследованиях, но никогда не возвращался к ним и не перечитывал. Эти тетради были дневниками немки Хелены Ханнеманн, с которой я познакомился в Аушвице. Эта женщина, ее семья и война – все это было теперь частью далекого прошлого, в которое я бы предпочел не возвращаться. Тогда я был молодым офицером СС, и все обращались ко мне «герр доктор Менгеле»².

Я протянул руку и взял первую тетрадь. Обложка совсем выцвела и вся покрыта пятнами, а бумага приобрела тот самый блекло-желтый цвет старых историй, которые уже никому не интересны. Но я все же медленно перевернул первую страницу.

И вдруг будто костлявая рука Хелены Ханнеманн, директора детского сада в Аушвице, схватила меня и затащила обратно в Биркенау, в секцию ВПе, где содержались цыгане. Грязь, изгороди из проволоки, по которым пропущен электрический ток, и приторный запах смерти – таким Аушвиц остался в моей памяти.

¹ Немецко-фашистский концентрационный лагерь Аушвиц-Биркенау, известный также под названием Освенцим. В мировой практике принято использовать немецкое название «Аушвиц», а не польское «Освенцим», поскольку именно немецкое название использовалось нацистской администрацией.

² Йозеф Менгеле – немецкий ученый-медик – врач, проводивший медицинские опыты на узниках концлагеря Аушвиц.

Глава 1

Май 1943 года

Берлин

Было еще темно, когда я, полусонная, вылезла из постели. Ежась от утренней прохлады, я влезла в свой легкий атласный халат и, стараясь не разбудить Иоганна, пошла в ванную. К счастью, в нашу квартиру еще поступала горячая вода, и я смогла быстро принять душ, прежде чем будить детей. Всем им, кроме маленькой Адалии, в это утро нужно было идти в школу. Вытерев запотевшее зеркало, я несколько секунд рассматривала свое отражение. С грустью отметила, что появилось еще несколько морщинок, а под глазами отчетливо обозначились мешки. Впрочем, это неудивительно для матери пятерых детей, работающей в две смены. Пока сушила волосы, услышала, как проснулись близнецы Эмили и Эрнест.

Когда я вошла в комнату, они сидели в постели и тихо переговаривались. Два их старших брата продолжали лежать, свернувшись калачиком, пытаясь насладиться последними секундами сна. Адалия до сих пор спала со мной и мужем, потому что детская кровать была слишком мала для пятерых.

– Потихе, милые. Остальные еще спят. Маме нужно приготовить завтрак, – прошептала я и тихонько положила на кровать их одежду. Близнецам было уже по шесть лет, и помощь в одевании им не требовалась.

Я прошла на нашу крошечную кухню и начала готовить завтрак. Через несколько минут помещение наполнил горький аромат дешевого кофе. Точнее, просто горячей воды с коричневым оттенком – единственного способа скрыть отвратительный вкус разбавленного водой молока. Хотя к этому времени старшие дети знали, что пьют не настоящее молоко. Если повезет, нам удавалось достать несколько банок сухого молока, но с начала года, по мере ухудшения ситуации на фронте, пайки становились все скуднее и скуднее.

С шумом на кухню прибежали дети и, усевшись за стол, жадно уставились на тарелку с кусочками хлеба с маслом и сахаром.

– Потихе, милые. Отец и Адалия еще в постели, – строго сказала я, пока они занимали свои места.

Несмотря на голод, они не набросились на хлеб, а подождали, пока я расставлю кружки, а потом еще произнесли короткую молитву благодарности за еду.

Через три секунды тарелка опустела, дети допили кофе и отправились в ванную чистить зубы. Я тем временем зашла в нашу спальню, чтобы взять ботинки, пальто и шапочку медсестры. Иоганн не пошевелился, глаза у него были закрыты, но я-то знала, что он притворяется спящим и встанет с постели, только когда услышит, как закрывается входная дверь. Ему было стыдно, что теперь кормилец семьи – я. Но ничего не поделаешь: за время войны в Германии все изменилось.

Иоганн был скрипачом-виртуозом. Он много лет играл в Берлинской филармонии, но начиная с 1936 года ограничения в отношении всех, кто не вписывался в расовые законы нацистской партии, стали намного жестче. Мой муж был представителем народности «рома»³, хотя большинство немцев называло их «цыганами» (*Zigeuner*). В апреле и мае 1940 года прак-

³ Рома – одна из ветвей цыган, наряду с синти и кале.

тически вся его родня была депортирована в Польшу. К счастью, в глазах нацистов я считалась «чистокровной», поэтому нас они пока что не беспокоили. Тем не менее мое сердце замирало каждый раз, когда кто-то стучал в нашу дверь или звонил по телефону ночью.

Дети возились в прихожей, как обычно подшучивая друг над другом. Я оглядела их, покрепче завязала шарфы, как обычно, по очереди расцеловала их. Самый старший – Блаз – иногда отстранялся от меня, но Отис и близнецы от всей души наслаждались поцелуями, оттягивая момент, когда наконец нужно будет отправляться в школу.

– Ну ладно, идем; не хочу, чтобы вы опоздали. Да и у меня всего двадцать минут до начала смены, – сказала я, открывая дверь.

Не успели мы выйти на лестничную площадку, как снизу раздался стук сапог по деревянной лестнице. По спине у меня пробежал холодок. Я тяжело сглотнула комок в горле и попыталась улыбнуться детям, которые, почуяв мою тревогу, беспокойно смотрели на меня. Чтобы приободрить их, я беззаботно махнула рукой, и мы принялись спускаться по лестнице. Обычно мне приходилось удерживать их, чтобы они не бросались сломя голову вниз по лестнице, но сейчас они жались ко мне, как утята.

Топот шагов становился все оглушительнее. Казалось, что он звучит со всех сторон. Сердце у меня бешено заколотилось. Я задыхалась, но продолжала спускаться по лестнице, надеясь, что несчастье в очередной раз обойдет меня стороной. Я отказывалась верить в то, что беда сегодня выбрала именно нас.

Полицейские столкнулись с нами на середине второго лестничного пролета. Это были молодые люди, одетые в темно-зеленую форму с кожаными ремнями и золотыми пуговицами. Они остановились прямо перед нами. На мгновение мои дети с восхищением посмотрели на их остроконечные шлемы с золотым орлом. Сержант, поднимавшийся первым, окинул нас взглядом и, слегка отдышавшись, заговорил. Длинные прусские усы колыхались в такт угрожающим словам.

– Фрау Ханнеманн, боюсь, вам придется вернуться в вашу квартиру вместе с нами.

Прежде чем ответить, я посмотрела прямо ему в холодные зеленые глаза. Отблеск зрачков пронзил меня страхом, но я постаралась сохранить спокойствие и улыбнуться.

– Сержант, боюсь, я не понимаю, что происходит. Мне нужно отвезти детей в школу, а потом пойти на работу. Что-то случилось?

– Фрау Ханнеманн, я бы предпочел поговорить с вами в вашей квартире, – сказал он и сжал мою руку.

Его движение испугало детей, хотя он и не проявил откровенной агрессии. Конечно, мы уже много лет были свидетелями насилия со стороны нацистов, но настолько острую угрозу для себя лично я почувствовала впервые. Все эти годы я надеялась, что они просто не заметят нас. Лучший способ выжить в новой Германии – превратиться в невидимку. До сегодняшнего утра моей семье это удавалось.

На площадке раздался скрип приоткрывшейся двери: сквозь щель я увидела бледное, изрезанное морщинами лицо фрау Вегенер. Она бросила на меня полный сочувствия взгляд, затем открыла дверь пошире.

– Господин полицейский, моя соседка фрау Ханнеманн – замечательная жена и мать. Она и ее семья – образец вежливости, доброты и благонадежности.

От такой ее смелости и желания помочь у меня на глазах выступили слезы. В разгар войны обычно никто не рисковал публично противостоять властям. Я с благодарностью посмотрела на нее.

– Мы всего лишь исполняем приказ. И хотим просто поговорить с вашей соседкой. Пожалуйста, пройдите к себе и позвольте нам спокойно сделать свою работу, – сказал сержант и захлопнул дверь квартиры фрау Вегенер.

Дети беспокойно зашевелились, Эмили заплакала. Я взяла ее на руки и прижала к груди. Единственными словами, которые смогли пробиться сквозь охваченное туманом и горем сознание, были:

– Я никому не позволю обидеть вас, дети.

Через несколько секунд мы стояли перед дверью нашей квартиры. Я принялась искать ключ в сумочке, набитой салфетками, бумагами и косметикой, но один из полицейских оттолкнул меня в сторону и застучал по двери кулаком.

Звук эхом разлетелся по лестнице.

Послышались торопливые шаги, а затем дверь открылась, и площадку осветил свет изнутри. В проеме стоял Иоганн, растрепанный, с темными кудрявыми волосами, падавшими прямо на глаза. Он посмотрел сначала на полицейских, затем перевел взгляд на нас. Всем видом мы безмолвно молили о помощи, но все, что он мог сделать – это открыть дверь пошире и впустить внутрь незваных гостей.

– Иоганн Ханштайн? – спросил сержант.

– Да, *герр полицай*, – дрожащим голосом ответил мой муж.

– По приказу *рейхсфюрера* СС Генриха Гиммлера все синти и рома Рейха должны быть интернированы в специальные лагеря, – отбарабанил сержант.

Наверняка он повторял эту фразу десятки раз за последние дни.

– Но... – начал было мой муж.

Ему так и не удалось больше ничего сказать, потому что полицейские окружили его и скрутили руки.

Я обратилась к сержанту:

– Прошу вас, не надо. Вы напугаете детей.

Несколько секунд в его взгляде читалось смущение. В конце концов с ним разговаривала немка, такая же, как его сестра или кузина, а вовсе не опасная преступница.

– Пожалуйста, позвольте моему мужу самому собраться. Я отведу детей в другую комнату, – мягко попросила я, пытаясь разрядить обстановку.

Сержант махнул своим людям, чтобы они отошли от Иоганна. Но тут же выпалил:

– Дети тоже пойдут с нами.

Эти слова ножом вспороли мне внутренности. Я едва не упала от охватившей меня тошноты и потрясла головой, не веря своим ушам. Куда они хотят забрать мою семью?

– Дети тоже цыгане. Приказ распространяется и на них. Не беспокойтесь, лично вы можете остаться.

– Но их мать немка, – постаралась возразить я.

– Это не имеет значения. Кстати, одного ребенка тут нет. Согласно моим сведениям, здесь должны находиться пять детей и один отец.

Тон сержанта не допускал возражений. Да я и не могла ничего ответить. Меня парализовал страх. Я пыталась сглотнуть слезы. Дети не сводили с меня глаз.

– Сейчас я их соберу. Мы все пойдем с вами. Младшенькая еще в постели.

Я удивилась, услышав свой голос. Казалось, что эти слова произносит какая-то другая женщина.

– Вы не идете, фрау Ханнеманн. Только те, в ком течет цыганская кровь, – сухо сказал сержант.

– Господин полицейский, я пойду вместе со своей семьей. Пожалуйста, позвольте мне собрать наши вещи и одеть мою младшую дочь.

Полицейский нахмурился, но взмахом руки приказал нам всем выйти из комнаты. В спальне я, взбравшись на стул, достала с платяного шкафа два больших фибровых чемодана и принялась складывать в них одежду. Дети молча стояли рядом. Они не плакали, хотя на их лицах явно читалась тревога.

– Куда мы едем, мама? – спросил Блаз.

– Нас отвезут в место вроде летнего лагеря. – ответила я, выдавливая из себя улыбку.

– Мы едем в лагерь? – спросил Отис, со смесью недоумения и восхищения в голосе.

– Да, милый. Мы проведем там некоторое время. Помнишь, я рассказывала, что несколько лет назад туда отвезли твоих кузенов. Может, мы даже увидимся с ними, – изо всех сил я старалась сохранять бодрый тон.

Близнецы заметно оживились, словно мои слова заставили их забыть обо всем, что они только что видели.

– Можно мы возьмем с собой мяч? А еще коньки и другие игрушки? – спросил Эрнест, всегда готовый организовать какую-нибудь игру.

– Мы возьмем только самое необходимое. Я уверена, что там, куда мы едем, есть много всего для детей.

Мне самой отчаянно хотелось верить в это, хотя я и знала о том, что евреев и других «врагов» Рейха интернируют в концентрационные лагеря. С другой стороны, мы же не представляли для нацистов никакой угрозы. Наверняка нас решили просто поддержать в каком-нибудь импровизированном лагере до конца войны.

Проснувшаяся Адалия испугалась, увидев беспорядок на кровати. Я взяла ее на руки.

– Все хорошо, дорогая. Мы отправляемся в путешествие, – сказала я, крепко прижимая ее к груди.

Тут у меня в горле снова встал комок, и меня захлестнуло беспокойство. Я подумала, что надо бы позвонить родителям, чтобы они хотя бы знали, что нас увозят, но сомневалась, что полицейские позволят сделать звонок. Одев Адалию и собрав чемоданы, я прошла на кухню. Там я взяла несколько консервных банок, немного оставшегося сухого молока, немного хлеба, мясные обрезки и пачку печенья. Я понятия не имела, сколько времени займет наша поездка, и хотела как следует подготовиться.

Вернувшись в гостиную, я увидела, что муж все еще в пижаме. Я сняла с вешалки его лучший костюм, галстук, шляпу и пальто. Пока он переодевался под пристальным взглядом полицейских, я в спальне сменила форму медсестры на костюм и блузку. Когда я вернулась в гостиную, Иоганн уже надевал шляпу. Полицейские повернулись ко мне.

– Вам не обязательно идти с нами, фрау Ханнеманн, – настойчиво повторил сержант.

Глядя ему прямо в глаза, я спросила:

– Вы и вправду считаете, что какая-то мать оставит своих детей в такой ситуации?

– Я много чего повидал в последние несколько лет. Рассказать, так вы не поверите, – ответил он. – Ну хорошо. Можете доехать с нами до станции. Мы должны посадить их на поезд до десяти часов.

Родных моего мужа депортировали куда-то на север, но я почему-то решила, что нас повезут в цыганский лагерь, созданный недалеко от Берлина.

Через гостиную мы прошли к входной двери. Первым шел муж с чемоданами, за ним двое полицейских. Затем следовали два моих старших сына и я. Близнецы вцепились в мое пальто, Адалия сидела на руках. На площадке я обернулась, чтобы в последний раз посмотреть на наш дом. Подумать только, чуть больше часа назад я проснулась в полной уверенности, что нас ждет обычный день. Блаз немного нервничал из-за контрольной перед каникулами; Отис жаловался на сильную боль в ушах – верный признак того, что он вот-вот заболит; близнецы были совершенно здоровы, но все равно ворчали, что им приходится так рано вставать в школу; Адалия, этот маленький ангелочек, всегда вела себя хорошо и изо всех сил старалась не отставать от своих братьев и сестер в их играх. Никаких предзнаменований того, что вся эта нормальная жизнь скоро развеется как дым на ветру.

На лестнице царил полумрак, и только через дверь внизу пробивался отблеск утреннего солнца. На мгновение я ощутила резкую боль от того, что прощаюсь со своим домом. Но нет,

это неправда; мой дом – это мои пять детей и Иоганн. Я заперла дверь квартиры и стала спускаться, напевая под нос мелодию колыбельной, которую всегда меня просили спеть дети, когда были чем-то расстроены или плохо засыпали. Не высказанные вслух слова заполнили пустоту лестничного пролета и успокоили детские сердца перед нашим походом в неизвестность.

*Guten Abend, gute Nacht,
mit Rosen bedacht,
mit Näglein besteckt,
schlupf unter die Deck:
Morgen früh, wenn Gott will,
wirst du wieder geweckt,
morgen früh, wenn Gott will,
wirst du wieder geweckt.
Guten Abend, gute Nacht,
von Englein bewacht,
die zeigen im Traum
dir Christkindleins Baum:
Schlaf nur selig und süß,
schau im Traum's Paradies,
schlaf nur selig und süß,
schau im Traum's Paradies.*

Спокойного вечера, спокойной ночи,
Укройся одеялом,
Усыпанным розами
И гвоздиками со всех сторон,
Укройся одеялом.
Завтра утром, если Бог пожелает,
Ты проснешься снова.
Завтра утром, если Бог пожелает,
Ты проснешься снова.
Спокойного вечера, спокойной ночи,
Под взглядом ангелов,
Которые показывают тебе во сне
Дерево Христа-младенца.
Спи спокойно и сладко,
Увидь во сне Рай.
Спи спокойно и сладко,
Увидь во сне Рай.

Глава 2

Май 1943 года

Дорога в Аушвиц

Дальше все происходило стремительно. На железнодорожной платформе теснились сотни человек. Сначала мы были буквально ошарашены и ничего не понимали: полицейские передали нас группе солдат СС. Темно-коричневый вагон для перевозки скота с широко открытыми дверями сбил меня с толку, но я быстро поняла, что к чему. Продолжая держать Адалию, другой рукой я схватила холодные, но потные ладошки близнецов. Двое старших цеплялись за чемоданы, которые Иоганн прижимал к себе изо всех сил. Солдаты стали толкать нас, люди забирались в вагоны, платформа постепенно пустела. Иоганн поставил чемоданы и помог взобраться Блазу с Отисом. Затем поднял близнецов.

И тут толпа едва не разлучила нас. Я протянула Иоганну Адалию, он подхватил ее, но людской поток из мужчин, женщин и детей уносил меня дальше, в сторону других вагонов. Сердце у меня екнуло, я попыталась вернуться, ухватилась за какую-то металлическую перекладину на вагоне и изо всех сил подпрыгнула, на долю секунды зависнув над головами толпы, но охнула, почуввав острую боль в теле. Обернувшись, я увидела солдата СС, который пытался оттолкнуть меня дубинкой. Муж видел, что происходит. Он пробрался вдоль открытой двери к тому месту, где я тянула к нему свободную руку. Наши глаза встретились, когда второй удар чуть не сбил меня с ног, и я чудом не упала обратно в толпу. Мне удалось дотянуться до руки Иоганна, и он втащил меня внутрь вагона.

Тут в нос мне ударила ужасная вонь, и я едва сдержала позыв к рвоте. Обстановка была отвратительная. Нам удалось найти для детей свободное местечко на сене, от которого несло мочой и плесенью, а сами мы остались стоять. Всего в вагон набилось человек сто, мало кому повезло сесть.

Поезд дернулся и начал понемногу набирать скорость. Резкий рывок едва не сбил нас с ног, но толкучка не дала нам упасть. Так началось наше поистине адское путешествие.

Все в поезде были цыганами, как и мой муж. Поначалу люди старались сохранять спокойствие. Но потом начались споры и даже стычки. Часа через четыре серьезной проблемой стала жажда. Еще через какое-то время дети начали плакать от голода, а пожилые люди теряли сознание от усталости и неудобных поз, в которых мы все были вынуждены находиться. А поезд все не останавливался.

Иоганн и еще несколько мужчин помогали поддерживать порядок и выделили один из углов под уборную, поставив там ведро и занавесив его свисающим с потолка одеялом, представляющим хоть какое-то уединение.

Мне удалось дать детям немного еды и несколько глотков молока. Немного утолив голод, они свернулись на сене и уснули.

Света не было, но его и не требовалось, чтобы представить себе страх и печаль на лицах всех путешественников. Условия, в которых нас перевозили, не оставляли никаких иллюзий относительно дальнейшей нашей жизни. Я больше не могла сдерживаться и, уткнувшись Иоганну в плечо, зарыдала. Но слезы не приносили облегчения. Чем сильнее я плакала, тем больше погружалась в отчаяние.

– Не плачь, милая. В лагере все обязательно наладится. В тридцать шестом году много цыган вывозили из-за Олимпиады, но через несколько месяцев им разрешили вернуться домой.

Тон Иоганна успокаивал, и я позволила себе немного расслабиться. Очень хотелось верить, что пока я рядом с ним, со мной ничего плохого не случится.

– Я люблю тебя, – сказала я, обнимая его.

С момента нашего знакомства я повторяла эти слова бесчисленное количество раз. Но теперь, в таком ужасном месте, в окружении отчаявшейся толпы, они прозвучали как будто впервые.

– Цыган преследовали на протяжении многих веков, но мы всегда выживали. Выживем и на этот раз, – продолжал Иоганн, поглаживая меня по лицу.

Мы познакомились еще в детстве, когда его семья переехала в городок Фрайталь под Дрезденом, где я родилась. Мои родители принимали активное участие в просветительских проектах нашей церкви и помогали цыганским детям освоиться в обществе. Увидев Иоганна, они сразу поняли, что он особенный. Моим родителям приходилось бороться с предрассудками в отношении цыган. Большинство наших соседей считали, что цыганам никогда нельзя доверять, что в любой момент они солгут или попытаются обмануть. Семья Иоганна занималась куплей-продажей всевозможных товаров. Иногда отец Иоганна приходил к нам домой, чтобы показать последние новинки, которые ему удалось достать: скатерти и полотенца, вышитые вручную в Португалии, тончайшее постельное белье... Моя мама сначала недоверчиво рассматривала ткань, но почти всегда в итоге соглашалась что-нибудь купить. Мой отец и отец Иоганна несколько минут спорили о цене, а затем скрепляли сделку рукопожатием.

Мои же глаза были прикованы к мальчику с огромными темными глазами – он казался мне настоящим персидским принцем. Но мы почти никогда не разговаривали. Иногда нам разрешали поиграть в мяч во дворе, но мы только смотрели друг на друга, неловко пиная мяч туда-сюда. Иоганн понравился моим родителям. Они позаботились о том, чтобы он окончил среднюю школу, а потом оплатили его обучение в консерватории.

Однажды утром отец Иоганна принес в наш дом старые карманные часы и поклялся моему отцу, что они кварцевые с золотой инкрустацией. Поторговавшись некоторое время, отец купил часы. Через две недели они перестали работать, а золото оказалось латунью. Мужчины довольно долгое время не разговаривали, но Иоганна мои родители продолжали поддерживать. И наши чувства друг к другу постепенно росли, хотя о предложении речь не заходила до тех пор, пока он не окончил обучение. Довольно скоро он стал одним из лучших скрипачей страны.

Когда я призналась родителям, что влюблена в Иоганна, они предупредили меня, чтобы я хорошенько все обдумала и не сделала неверного шага. Но в конце концов любовь преодолела препятствия и предрассудки окружающего нас мира. Естественно, после свадьбы нам пришлось многое пережить. С одной стороны, законы против цыган были очень строгими, да и цыгане не одобряли смешанных браков. Один из пасторов попытался отговорить нас от брака, называя его «противоестественным союзом», но мы, несмотря ни на что, были счастливы и никого не слушали.

Теперь все эти воспоминания и бывшие трудности казались мне невероятно далекими, всего лишь каплей в той глубокой, ужасающей бездне, в которую мы погружались.

На следующее утро мы остановились на несколько часов на станции под названием Прушкув, что подтвердило наши догадки о том, что нас везут в Польшу. К тому времени нас уже сводили с ума жажда и вонь от рвоты, мочи и фекалий. Дышать в вагоне было почти невозможно. Когда в единственное крошечное окошко вагона заглянул солдат СС, люди стали умолять его дать им воды и еды.

Но он, направив в окно свой «люгер», закричал:

– Давайте все ценное, что у вас есть с собой!

Иоганн помог другим собрать наручные часы, кольца и другие украшения. В обмен солдат принес ведро воды. Всего лишь одно ведро – ничтожно мало для почти ста человек. Каждому досталось лишь по глотку теплой, пахнувшей тиной воды. Когда очередь дошла до нас, первой несколько крошечных глотков сделала Адалия, за ней последовали близнецы и Отис.

Блаз посмотрел на меня, проведя языком по пересохшим губам, и передал мне ведро, не выпив. Он понимал, что вода гораздо нужнее больным и малышам. На глазах у меня выступили слезы; его мужество поразило меня: он решил терпеть жажду, чтобы ее могли утолить другие люди.

К полудню второго дня у нескольких детей в вагоне поднялась температура, а некоторые пожилые пассажиры выглядели серьезно больными. Мы ехали уже полтора дня почти без еды и воды и почти без сна. Вторая ночь была еще хуже первой. У пожилого мужчины случился сердечный приступ, и он упал прямо рядом с нами. И мы ничем не могли ему помочь. Мужчины перенесли его в угол вагона, где уже лежало несколько трупов.

– Сколько нам еще ехать? – спросила я Иоганна.

– Не думаю, что так уж долго. Лагерь должен находиться где-то в Польше. Поскольку идет война, у них должны там располагаться лагеря для пленных, – сказал Иоганн.

Я надеялась, что он прав и что наша поездка близка к завершению. Ведь, будучи медсестрой, я знала, что через два-три дня без еды и воды начнут массово умирать дети, потом пожилые и слабые взрослые. У нас оставался всего один день, чтобы продержаться в этих ужасных условиях.

Наше нынешнее бедственное положение заставило меня вспомнить наш первый дом. После свадьбы мы переехали на окраину города, к тетке и дяде Иоганна, разрешившим нам спать в маленькой, сырой комнатухе. Но мы были настолько счастливы просто находиться вместе, что почти все ночи напролет смеялись, накрывшись одеялом, стараясь не беспокоить старших. Однажды, когда Иоганн ушел, его тетя набросилась на меня, обвинив меня в том, что я ничего не делаю по дому. Покончив с оскорблениями, она вытолкала меня из дома. На улице был безумный снегопад. Я сидела на чемоданах, промокшая и дрожащая, и ждала возвращения Иоганна.

Увидев меня, он тут же подбежал ко мне, обнял и попытался передать мне все тепло своего тела. Ту ночь мы провели в дешевой гостинице, а на следующий день нашли небольшой дом с кухней и крошечной ванной. Через две недели Иоганн получил место в консерватории, и понемногу наши дела пошли в гору.

Третий день нашего путешествия выдался особенно холодным. Мы надели на себя все, что только можно, но стены в вагоне для перевозки скота не могли защитить людей от пронизывающего ветра. На очередной остановке тот же солдат, что и накануне, снова предложил нам немного воды в обмен на драгоценности и ценные вещи. На какое-то время мы уняли жажду, но затем она стала еще непереносимее. К тому моменту уже пять человек упали в обморок, но самое печальное было то, что на руках у своей молодой матери Алисы скончался младенец. Ее родственники уговаривали положить безжизненное тельце сына к другим трупам, но Алиса отказывалась верить, что ее малыш умер и продолжала укачивать его и вполголоса пела ему колыбельные. Я боялась, что через час, два или через день тоже могу оказаться на ее месте, и при мысли об этом мое сердце разрывалось. Я вспоминала все счастливые проведенные вместе с детьми дни и не могла осознать всю реальность происходящего. Мои дети были совершенно невинны. Единственным их преступлением было то, что их отец – цыган. Эта война сводила с ума весь мир.

Снова наступила ночь. Дети рядом со мной лежали совершенно неподвижно. У бедняжек не осталось сил. Усталость, жажда и голод грозили в любую минуту потушить их жизни,

как дрожащее на ветру пламя свечей. Иоганн держал Адалию на руках – вялую, с сухой от обезвоживания кожей. Единственное, что она хотела – спать, спать и спать.

Я пробралась к деревянным стенам вагона и постаралась рассмотреть что-нибудь сквозь щели. Моему взору предстал огромный вокзал с высокой башней. Затем мы снова тронулись, и вдоль железной дороги потянулся длинный забор из колючей проволоки. Мощные прожекторы освещали территорию за ним. Это был лагерь – огромный и ужасный, но, по крайней мере, предоставляющий какую-то надежду на то, что мы наконец-то выберемся из этого адского вагона.

Когда поезд остановился, люди заволновались и начали готовиться к выходу, но прошло четыре часа, а к нашему вагону так никто и не подошел. Измученные, все легли на пол и свернулись калачиком, стараясь держаться как можно дальше от трупов и пытаясь хотя бы немного поспать. Рядом с трупами оставалась только мать умершего ребенка, как будто смирившись с тем, что и ее скоро унесет тьма.

Моя семья спала крепко, словно подойдя к самой грани небытия, а я тихо плакала, ощущая себя виноватой. Виноватой за то, что не догадалась заранее, к чему приведет все это нацистское безумие. Нам нужно было бежать в Испанию или в Америку, постараться оказаться как можно дальше от овладевшего нашей страной и почти всей Европой сумасшествия. Я надеялась, что люди однажды очнутся и увидят, что представляют собой Гитлер и его приспешники, но никто не очнулся. Все соглашались с его фанатичными бреднями, превращающими мир в голодный и воюющий ад.

На рассвете нас разбудил лай собак и топот ног по гравию вдоль железной дороги. Дверь распахнулась, и в проеме мы увидели около пятидесяти солдат, офицера СС и переводчика, который дублировал приказы на нескольких языках.

Мы поспешили выбраться из кошмарного вагона, не понимая, что попадаем из огня да в полымя.

Из других вагонов тоже спускались люди, вливаясь в огромную толпу. Солдаты и заключенные в полосатых робах разделяли всех на колонны.

– А ну живее! – крикнул нам один из них.

В нескольких метрах от нас располагались сторожевые башни, а вдали виднелись огромные трубы, из которых валил дым. Но времени как следует осмотреться не было.

Иоганн спрыгнул из вагона, а затем помог спуститься мне и детям. Мои ноги казались ватными, мышцы болели, холод пробирал до костей.

Нас разделили на две огромные группы: женщины и дети с одной стороны, мужчины – с другой. Поначалу я пыталась держаться рядом с Иоганном, сжимала его руку, пока один из заключенных не подошел и не сказал спокойно:

– Вы увидите позже. Не волнуйтесь, мадам.

Передав мне чемоданы, Иоганн перешел в другую колонну. Он попытался улыбнуться, чтобы успокоить нас, но его губы, скорее, искривились от невыносимого страдания.

– Почему папа не с нами? – спросила Эмили, потирая покрасневшие глаза.

Что я могла ответить? Онемев от горя, я просто не могла осознать бессмысленность всего происходящего. Опустив глаза, чтобы дочка не видела моих слез, я просто погладила ее по голове.

– С нами пойдут мужчины от двадцати до сорока лет, – крикнул один из эсэсовцев.

Иоганна и еще несколько сотен мужчин увели прочь. Муж шел впереди колонны, так что я лишь пару секунд видела его удалявшуюся спину и темные кудрявые волосы. Уже много лет все мое существование вращалось вокруг него. А с его уходом душа моя опустела. Жизнь без Иоганна не имела смысла. Затем я перевела взгляд на наших детей. Они смотрели на меня широко раскрытыми глазами, пытаясь прочесть мои мысли. В этот момент я поняла, что быть

матерью – это гораздо больше, чем растить детей. Это значит напрягать свою душу до тех пор, пока мое «я» навсегда не пропитает их прекрасные, невинные лица.

Колонна мужчин была уже довольно далеко, а я все еще кусала губы, чтобы не заплакать. За Иоганном шло много других мужчин, скрывающих его. Я молила небеса позволить мне увидеть мужа еще раз.

Глава 3

Май 1943 года

Аушвиц

По мере того как наша колонна двигалась вдоль бесконечного забора из колючей проволоки, моя тревога росла и приобретала фантазмагорические очертания. Прерываясь лишь короткими, поросшими травой участками, перед нами тянулась бесконечная череда деревянных бараков, похожих на остовы выброшенных на берег кораблей. Вокруг них стояли «жертвы кораблекрушения» – худые, больше напоминающие тени, люди с потухшими взглядами. Они напоминали пациентов какой-то психиатрической больницы. Бритые головы, полосатая форма, отсутствующее выражение на лицах. Кто все эти люди? И почему нас привели сюда?

В воздухе витал жуткий сладковатый запах, робкие лучи утреннего солнца затуманивал серый дым. Тем временем женщины-охранники гнали нас, словно солдат на марше, не переставая отдавать приказы. Дети были измучены и голодны и уже еле держались на ногах, но нам не дали возможности хоть немного передохнуть и не покормили. Потом прежде, чем войти, мы почти два часа простояли перед небольшим зданием с надписью на немецком «Регистрация».

Внутри четыре женщины в арестантской одежде, выглядевшие немного лучше тех, которых мы видели за колючей проволокой, вручили нам по зеленому листу бумаги, на котором нужно было написать свои имена и личные данные, а также по белому листу с предписанием из центрального аппарата Рейха немедленно поместить нас в лагерь. Заполнение документов заняло у меня некоторое время, потому что Адалия не давала себя посадить, а остальные дети цеплялись за мое пальто.

– Быстрее, женщина. Мы не собираемся возиться тут целый день, – нетерпеливо сказала работница из числа заключенных.

У следующего стола несколько мужчин-заключенных наносили на тела вновь прибывших татуировки с номерами, указанными на зеленом листе. Уколы были довольно болезненными, но мужчина быстро закончил. Сразу понятно, что эта работа для него привычна. Без всякого выражения в голосе он сказал:

- А теперь дети.
- Дети? – переспросила я в ужасе.
- Да, таков приказ.

За круглыми очками виднелись пустые глаза. Он напоминал робота, полностью лишенного всех чувств.

Блаз как самый старший без колебаний протянул руку, и снова мое материнское сердце сжалось от гордости за него. Его примеру последовал Отис, а затем близнецы. Они немного покривились от боли, но никто из них не дергался и не мешал делать татуировку.

- У младшей такая тонкая рука, – показала я на Адалию.
- Мы нанесем ей номер на бедро, – сказал заключенный.

Мне пришлось спустить белые колготки Адалии и обнажить молочно-белую ногу, на которую мужчина нанес номер с предшествующей ему буквой Z – *Zigeuner*, «цыган».

На улице нас снова построили в длинную колонну, чтобы отправить в цыганский лагерь.

Симпатичная охранница – позже я узнала, что ее звали Ирма Грезе, – отдала приказ двигаться. Мы двигались длинной вереницей по опушке небольшого леса, начинавшего зеленеть после суровой польской зимы. Контраст между полными жизни деревьями и грязными дорогами лагеря заставил меня задуматься о жалких способностях человека: только мы, люди, можем уничтожить природную красоту и превратить мир в негостеприимное место.

В цыганском лагере, который немцы называли «*Zigeunerlager Auschwitz*», сначала нас встретили длинные бараки, служившие кухнями и складами. За ними стояло около тридцати барачков для проживания заключенных, лазарет и уборные.

На выданной нам бумаге был указан номер барака, в котором мы должны были жить, но все были настолько ошеломлены, измучены и голодны, что передвигались как зомби, не понимая, куда идем и что делаем.

Наконец я собралась с силами и прежде, чем одна из уже терявших терпение охранниц ударила меня дубинкой, поняла, что нас определили в барак номер четыре.

Главная дорога представляла собой сплошное грязное месиво, но, добравшись до нашего барака, мы с изумлением увидели огромные грязные лужи и внутри. Это был даже не барак, а какой-то поганый хлев, в котором даже жестокий хозяин не рискнул бы держать коров, овец или свиней. Вот кем мы были для нацистов – дикими, бесправными животными, и именно так они с нами обращались.

От нашего нового жилья несло потом, мочой и грязью. Большая кирпичная печь делила помещение на две части. С каждой стороны стояли три ряда нар. В каждой секции этих деревянных клеток помещалось до двадцати человек. Кто-то спал на голых досках, а единственной защитой было истрепанное одеяло, кишмя кишевшие блохами. Кому повезло чуть больше, имели мешки, набитые опилками, которые можно было использовать как матрас. Но таких «коек» на всех не хватало, и большинству приходилось спать на грязной земле или на каменной скамье, тянувшейся вдоль всего барака.

– Тут где-нибудь есть свободное место? – спросила я у нескольких женщин, сидящих на скамейке.

Они посмотрели на меня и загоготали. Никто из них не говорил по-немецки. Наверное, они были цыганками из России.

С чемоданами в руках я искала, куда бы приткнуться, но безрезультатно. Дети начали хныкать. Они провели почти целый день на ногах и проголодались.

Одна из женщин сказала, что есть полка в последнем ряду нар, но все мы там точно не поместимся и кому-то придется спать на полу. Во всяком случае, пока где-то не освободится место.

Я не поняла. Как это – «пока не освободится место»? Значит, кого-то могут отправить домой? При этой мысли во мне затеплилась надежда – надежда на то, что мы с Иоганном воссоединимся и вернемся к нормальной жизни. А там и война закончится и все, все разъедутся по своим домам. Лишь позже я узнала, что это значит, когда в бараке освобождается какая-то полка. Либо какая-то пленница умерла от болезни или невыносимых условий жизни, либо погибла от рук охранников.

Дети попытались забраться на нары, но начальница блока сказала, что для отдыха есть строго установленные часы и ложиться на койки можно только с наступлением ночи.

Блаз попросился выйти на улицу, и, хотя шел дождь, я решила, что для детей будет лучше не находится в душливой атмосфере барака.

– А где уборные и душевые? – спросила я надзирательницу.

– В тридцать пятом и тридцать шестом бараках в конце лагеря, но их можно посещать утром или в установленные часы днем. Душевые только утром, – нахмурилась она, очевидно, недовольная тем, что я задаю так много вопросов.

Она говорила с сильным русским акцентом, и я с трудом ее понимала.

– А как же дети? Маленькие вряд ли смогут терпеть, – спросила я.

– Они могут ходить в угол барака. Ночью там стоит ведро, и новенькие, как ты, должны выносить его, когда оно наполнится.

От одной мысли об этом у меня внутри все затрепетало. Я с трудом могла представить себе, как через несколько часов моча достигнет краев ведра, и мне придется выходить с ним на улицу и опорожнять его в ледяной темноте.

– Через полчаса все должны быть в бараке. Потом принесут ужин, и после этого мы не сможем выходить на улицу до завтрашнего утра. Если вас поймают снаружи, наказание будет суровым, – сказала женщина тоном, не терпящим возражений.

Я ничего не понимала. Правила казались абсурдными и бессмысленными. Я много лет проработала в больницах медсестрой и знала, что порядок необходим, но в услышанном не было никакой логики.

Я повела младших в барак, где были уборные, и увидела, что Блаз разговаривает с мальчиками примерно его возраста. Он присоединился к нам.

– Что это за место, мама? – спросил он.

Я понимала, что не смогу его обмануть. Пока его младших братьев и сестер не было рядом, я попыталась объяснить ему ситуацию.

– Нас привезли сюда, потому что мы цыгане, – сказала я. – Не знаю, как долго нас тут продержат, но мы должны вести себя как можно тише и не привлекать к себе лишнего внимания.

– Хорошо, я понял тебя, мама. Я позабочусь о малышах и постараюсь найти нам какую-нибудь еду.

– Пойдем, немного приведем себя в порядок, – ответила я, взъерошив его темные волосы.

Когда мы вошли в барак, где я предполагала увидеть душевые, сердце мое упало. Здесь воняло еще хуже, чем в спальном бараке. Внутри находилось нечто вроде длинного желоба или кормушки для животных. Внутри него была вода, но она отвратительно воняла серой и была темно-коричневого цвета. Я не верила своим глазам. Как мыть в ней детей?

– Не трогай воду! – крикнула я, когда Отис шагнул вперед, чтобы попить.

– Но мы хотим пить, – заныл он.

– Эта вода заразная, – сказала я, отводя их от длинного желоба.

Их глаза расширились в недоверии. Их перепачканные после поездки в вагоне для скота лица, сухая от обезвоживания кожа, мешки под глазами, ослабшие от голода тельца – все это лишало меня дара речи. Мне хотелось проснуться от этого кошмара, но я не должна была сдаваться. Именно это я повторяла себе, сдерживая свой гнев. Впервые в жизни я совсем не знала, что делать или говорить.

В конце так называемого «свободного часа» мы вернулись в барак и стали пробираться к отведенному нам месту. Наклонившись, чтобы достать из наших чемоданов пижамы, и с удивлением обнаружила, что они открыты и в них почти не осталось одежды. Исчезли и остатки еды, которую мы взяли с собой, мое пальто и почти все детские вещи. От отчаяния, усталости, чувства безысходности я разрыдалась. И в этот момент услышала позади себя смех, который меня разозлил. Одна из женщин прятала под своим одеялом ночную рубашку Адалии. Я подбежала к ее койке и рывком откинула одеяло.

– Что вы делаете, немецкая фрау? – закричала она с сильным акцентом.

– Это наше, – схватила я рубашку и потянула на себя.

Другая женщина схватила меня за волосы и собралась прижать меня к нарам. Но я не хотела так просто сдаваться и попыталась оттолкнуть ее, когда воровка ударила меня по лицу. И хотя ощущение несправедливости придавало мне сил, они были сильнее меня и вдвоем легко бы со мной справились, если бы не надзирательница, такая же, как и мы, заключенная. Кстати

говоря, эти женщины должны были поддерживать порядок в бараках, а капо⁴, тоже из числа заключенных – снаружи.

– А ну тихо! – крикнула она, оттаскивая меня в сторону.

– Они украли мои вещи!

– Неправда! – выпалила одна из женщин. – Эта проклятая нацистка просто хочет неприятностей.

– Это правда? – спросила надзирательница.

– Нет! Они забрали все, что у нас было, – ответила я с яростью.

– Все так говорят. Возвращайся к своему месту и не создавай проблем. Иначе мы сообщим *блокфюреру*⁵, и тебя накажут. Ты мать. Тебе лучше держаться подальше от проблем с другими интернированными, – сказала надзирательница, подталкивая меня к нашим нарам.

Я вернулась на свое место с разбитым лицом и ощущением полного бессилия, но я понимала, что охранница права. Через десять минут вошли две заключенные с большим ящиком, в котором находилось непропорционально мало черствого черного хлеба – основными ингредиентами его были опилки, – чуть-чуть маргарина и немного свекольного компота. На всем этом мы должны были продержаться до следующего дня. Заключенные и дети быстро выстроились в очередь с маленькими мисками в руках. Одна женщина передала мне миску с пайком для меня и детей. Если бы не этот жест доброй воли, мы наверняка остались бы голодными. Я была почти последней в очереди.

Когда дети увидели, что я принесла им поесть, они на мгновение замешкались, но голод взял верх, и они проглотили все за несколько секунд. Я разделила между ними и свою порцию, но понимала, что надолго этого не хватит.

Электричества в бараке не было, и с наступлением темноты нам всем пришлось лечь и попытаться уснуть. Дождь снаружи прекратился, но вода продолжала просачиваться внутрь отовсюду: через крышу, стены и пол. Я сняла с Адалии ботинки, попросила Блаза следить за ними и уложила младшую дочь на нарах. Затем помогла лечь рядом с ней близнецам. Рядом с нами лежали еще четыре женщины, толкавшие детей, так что тем пришлось прижаться спинами к мокрым доскам барака. Отис протиснулся между своими братьями и сестрами и нашими соседками по нарам и, несмотря на протесты женщин, сумел освободить чуть больше места для нас. Прежде чем уснуть, я посмотрела на лица своих детей. Они казались такими спокойными, несмотря на весь окружавший нас ужас.

Мы находились в грязном хлеву в окружении незнакомых людей, среди которых было немало озлобленных и настроенных против нас. Мой муж, Иоганн, исчез, а будущее было настолько неопределенным, что единственное, на что у меня хватило сил – произнести слабую молитву о сохранении моей семьи. Я не посещала церковь почти семь лет, но в тот момент обращенная в ночь мольба казалась мне единственным способом ухватиться за тонкую ниточку надежды. Голод, страх и боль топили разум, и казалось, что выживать в этом лагере – это все равно что пытаться дышать под водой.

Я снова представила прекрасное лицо мужа. Его глаза сказали все. Я увижу его снова. Он не оставит меня одну, даже в аду. Подобно Орфею, спустившемуся в подземный мир, чтобы спасти свою жену Эвридику, Иоганн придет, чтобы выхватить меня из лап самой смерти.

Ночь, казалось, длилась вечно. Я почти не спала, объятая страхом и неуверенностью, но твердо решила не сдаваться. Пока Иоганн не вернется за нами, силы мне будут придавать наши дети.

⁴ *Kapo* (сокращенное от *kameradschaft-polizei*) – привилегированный заключенный в концлагерях фашистской Германии, работавший на администрацию и выполнявший функции надзирателя.

⁵ *Блокфюрер* (руководитель блока) – военизированное звание СС, характерное для *Totenkopfverbände* (службы концентрационных лагерей). Блокфюрер СС обычно отвечал за бараки для заключенных, насчитывавшие от двухсот до трехсот заключенных концлагерей; в более крупных лагерях это число могло достигать 1000 человек.

Глава 4

Май 1943 года

Аушвиц

Я все еще не понимала, что единственное правило, которым руководствуется лагерь – это выжить любой ценой, не ожидая помощи ни от кого. Матери выхватывали малейшие крошки хлеба, чтобы накормить своих истощенных детей; мужчины ссорились, пытаясь получить работу получше в надежде прожить хотя бы еще один день. Женщины-надзирательницы и эсэсовцы издевались над пленницами с особой жестокостью и садизмом. Логика Аушвица не поддавалась никакому сравнению с тем, что происходило по ту сторону электрического забора с колючей проволокой.

Нас разбудили, когда до рассвета оставалось еще часа два. На сборы было отведено всего несколько минут. Было нелегко поднимать пятерых детей за такое короткое время, но Блаз помогал с Адалией, пока я занималась остальными. Хлюпая ботинками по грязи, мы побежали в уборную. Нам пришлось ждать своей очереди снаружи под дождем. Сначала я отправила детей в туалет, но они так мало съели и выпили накануне, что на эту процедуру много времени им не понадобилось. Несмотря на то что вода в корытах, служивших умывальниками, была ледяная, я заставила их умыться. Даже в таких чудовищных условиях нужно следить за собой.

– Только не пейте воду отсюда, – предупредила я детей.

Не нужно было быть медсестрой, чтобы понять, что эта вода не годится для питья.

Едва мы успели вытереться, как капо вытолкнули нас, чтобы освободить место для следующих. На обратном пути в барак мы безуспешно пытались укрыться от пронизывающего ветра. Я даже думать боялась о том, каково тут будет осенью или зимой.

Я старалась получше рассмотреть здания на территории лагеря. Все бараки выглядели одинаково, за исключением ближайших к уборным. Один назывался «Баня» и предназначался для дезинфекции заключенных, а названия другого, стоявшего рядом с ним, я прочесть не смогла. Бараки с двадцать четвертого по тридцатый походили на лазареты. Мысль о том, что начальство лагеря беспокоится о нашем здоровье, меня слегка утешила, и я подумала, что смогу предложить свои услуги. Возможно, это даже улучшит наше положение в лагере.

Тем временем нас заставили построиться и долго пересчитывали, чтобы убедиться, что никто не пропал. Затем мы вернулись в барак и взяли выданные накануне вечером миски. Две работницы кухни разливали темную, дурно пахнущую жидкость, которую называли «кофе». Я подошла к одной из них и спросила:

– Нет ли немного молока для детей?

Женщина смерила меня презрительным взглядом, а потом повернулась к своей коллеге и фыркнула:

– Герцогиня хочет немного молока для своих маленьких принцев. – Мне же с издевкой в голосе бросила: – Жаль вам сообщать, но голубая кровь не дает здесь никаких привилегий.

Слышавшие наш диалог заключенные хрипло засмеялись, а потом начали подтрунивать надо мной. Пришлось мне молча взять миску с кофе и вернуться к детям.

Это пойло, конечно, было отвратительным на вкус, но благодаря ему можно было немного согреться и обмануть желудки.

После завтрака оставалось полчаса «свободного времени», и я предпочла выйти с детьми на улицу, чтобы не оставаться в этом мерзком месте. В здании неподалеку располагались кухня, кладовые и администрация. Я хотела было заговорить с одной из женщин в конторе, но путь мне преградила охранница.

– Куда это ты? – спросила она, поднимая хлыст.

– Я хотела задать вопрос, – ответила я, посмотрев ей прямо в глаза.

Дети инстинктивно прижались ко мне.

– Это тебе не летний лагерь отдыха. Что, размещение не соответствует ожиданиям? Или хочешь сделать заказ блюд на ужин? Возвращайся в свой барак, шлюха, – сказала она и ударила меня кулаком по лицу.

Из носа у меня хлынула кровь, потекла по шее и мгновенно пропитала одежду. Дети заплакали от страха, но Блаз выступил вперед, чтобы защитить меня.

– Не надо, Блаз! – крикнула я, оттаскивая его назад.

– Забирай своих выродков, и чтобы я вас здесь больше не видела, понятно?

Всю дорогу в барак я вытирала с лица перемешанные с кровью слезы. Мы забились в наш маленький уголок и не двигались, пока не принесли еду. Я была как в тумане, сознание будто покинуло меня. Раз за разом я повторяла себе, что должна как-то реагировать на происходящее вокруг, должна встать, что-то сделать, но тело не слушалось меня. Единственное, что еще как-то заставляло меня окончательно не впасть в отчаяние, – это мысли о детях. Пусть я и теряю желание бороться, но у них впереди вся жизнь и шанс, что у них есть это будущее, могу дать только я.

– Мама, позже я попробую найти какую-нибудь помощь. Должен же здесь быть кто-то, кто захочет нам помочь, – сказал Блаз.

Блаз всегда был хорошим мальчиком, ответственным и ласковым. Я знала, что он постарается сделать ради нас все, что в его силах, но боялась, что он пострадает или даже погибнет.

Я с благодарностью посмотрела на сына и приласкала его. Каков же был мой ужас, когда я увидела в его волосах каких-то насекомых. Боже мой, неужели все мы завширеем, покроемся блохами и клопами.

– Дорогой, не нужно ничего делать и где-то искать поддержки. Здесь очень опасно. Мы вместе что-нибудь придумаем. Господь никогда не бросает своих детей, – сказала я.

– Думаю, что в таком месте было бы неплохо и самим немного помочь Богу, – серьезно ответил он.

Никто из охранниц больше нас пока что не беспокоил, и я задремала. Несколько секунд мне снился Иоганн и наши первые годы брака. Мы были так счастливы, несмотря на недоброжелательные взгляды окружающих. В том числе и из-за них мы переехали в Берлин. В этом пестром городе, казалось, ничего никого не может возмутить, тем более брак между арийкой и цыганом. Тогда, в середине 1930-х, столица стала пристанищем для всех, кто хотел забыть о лишениях и экономическом кризисе, в котором после Первой мировой войны все еще находилась Германия.

Еще одной причиной переезда стало то, что в нашем городке никто не хотел брать цыгана на работу, которая могла бы достаться «добропорядочному немцу». Хотя многие цыгане тоже воевали за нашу страну. Отец Иоганна даже получил Железный крест за спасение раненого офицера, которого дотащил с передовой до военного госпиталя. Но военные заслуги не давали привилегий, когда работы почти не было.

К тому времени у нас уже родился Блаз, и только доброе сердце соседки-булочницы не позволило нам умереть с голоду. Она делилась с нами своим хлебом, благодаря чему у меня оставались силы для заботы о Блазе и поддержании жизни нашей семьи. Мечта Веймарской республики о более справедливом обществе обернулась кошмаром.

Однажды Иоганн принес домой несколько апельсинов. Это было Рождество, а у нас в тот вечер из еды был лишь вареный картофель и две сосиски. Иоганн давал маленькому Блазу по одной дольке апельсина, каждый раз посмеиваясь, когда сын причмокивал и закрывал глаза от удовольствия.

Постоянный голод заставляет все время думать о еде. Пришедшие с обедом работницы вернули меня к реальности лагерной жизни. Мы сползли с нар, чтобы получить свой скудный паек – водянистый, дурно пахнущий суп. Я даже представить не могла, что когда-то смогу кормить этим своих детей. Но так или иначе, он был теплый и становился очередной обманкой для желудка. Свою порцию я разделила между детьми. Я не ела уже три дня, и силы начинали покидать меня. Нужно что-то придумать, иначе через несколько дней я уже не смогу заботиться о малышах. Без меня они не проживут и недели.

После обеда мы снова отправились гулять. После стычки с охранницей мы старались держаться подальше от главного входа и двинулись вдоль барака в сторону уборных. Проходя мимо одного из барачных, я услышала немецкую речь – разговаривали две пожилые женщины с младенцами на руках. Я приблизилась к ним с осторожностью: мало ли чего можно было ожидать в этом страшном месте. Дети держались рядом со мной, кроме более самостоятельного Блаза.

– Вы немки? – осмелилась я спросить.

Они посмотрели на меня с удивлением – то ли из-за моей арийской внешности, то ли из-за ссадин на лице или из-за того, что за мной следовал целый выводок детей. Одна из них жестом попросила меня подойти ближе и провела рукой по моему лицу. От нежного прикосновения я заплакала. Простое проявление ласки в этом аду показалось лучшим на свете подарком.

– Боже правый, что они с тобой сделали? – спросила она почти шепотом.

– Меня ударила охранница, когда я подошла к конторе, – объяснила я.

– Должно быть, это та садистка Мария Мандель или Ирма Грезе, настоящая бестия. Самые страшные животные здесь, в Биркенау.

– Это место называется Биркенау? – спросила я.

– Да, в Биркенау, хотя оно также называется Аушвиц II. Но ты же не цыганка, – не спросила, а скорее утвердительно произнесла она.

Я покачала головой и тихо сказала:

– Я – нет. Но мой муж и дети – цыгане. Их хотели привезти сюда без меня, но я не могла их бросить.

– А где твой муж? – спросила другая женщина.

– Нас разлучили сразу после приезда, – ответила я.

– Он был больным или очень худым? – спросила женщина постарше.

Ее вопрос озадачил меня.

– Нет, он сильный и здоровый как бык.

– Точно?

Я не понимала ее настойчивости и лишь позже узнала о том, что происходило по ту сторону колючей проволоки с детьми, стариками и больными.

– Значит, тебе не стоит беспокоиться о нем. Те, кто может работать, получают немного больше еды, и их даже вывозят отсюда на фабрики, – сказала другая женщина.

– Куда они поместили вас с детьми? – спросила пожилая женщина, по-прежнему держа руку на моем лице.

– В четвертый барак.

– Боже, с русскими! – мой ответ ее явно поразил. – С этими беднягами так плохо обращаются, что в них не осталось ничего человеческого. Вам нужно убраться оттуда как можно скорее.

– Но как?

– Мы поговорим с надзирательницей нашего барака. Она обратится с просьбой к начальнику СС. Обычно наши просьбы выслушивают без особых нареканий. Нас здесь и так уже много, но поскольку мы – немцы, администрация старается не создавать такой давки, как в других бараках. Мы найдем вам место. Правда, сегодня сделать уже ничего не получится, но будем надеяться, что завтра вас переведут в наш барак. Только ни с кем не разговаривайте и не ввязывайтесь в неприятности. Эти женщины очень опасны, – предупредила она.

Ее слова одновременно и повергли меня в уныние, и приободрили. Конечно, изначально нам не повезло, что нас разместили в худшем месте цыганского лагеря, но зато у нас появилась и надежда на улучшение.

Одна из женщин пошла в барак и вернулась с бинтом и маленьким флаконом. Промыв мне лицо спиртом, она перевязала рану.

– Одна из наших подруг – медсестра, польская еврейка. Она дала нам несколько бинтов для детей, – объяснила она.

– Я тоже медсестра, – вырвалось у меня.

– Ну, хвала небесам! Им в лазарете очень нужна любая помощь. Там мало работников и почти нет лекарств.

Я побеседовала с женщинами еще немного. Впервые за время пребывания в лагере я почувствовала радость от человеческого общения. А теперь нам предстояло вернуться в свой ужасный четвертый барак и провести там еще одну ночь. Я молила Бога, чтобы надежда на помощь, которую нам дали сегодня, оправдалась.

Пришедшая из четырнадцатого барака надзирательница записала мои данные и передала их секретарше, которая отнесла их в администрацию. Наверняка этому поспособствовал и тот факт, что я была медсестрой. Кроме того, согласно неписаному правилу, с заключенными из Германии обращались чуть менее строго, чем с другими. Правда только в том случае, что они – не евреи.

– Всем нам повезло больше, чем бедным евреям, – сказала пожилая женщина.

– А в чем дело? Почему вы так говорите? – озадаченно спросила я, потому что пока что не заметила никаких особых привилегий для цыган.

– Их отделяют от остальных сразу по прибытии. И что происходит с ними потом, никто не знает. Исчезают, как не было. Может, их отвозят в другие лагеря, – объяснила женщина.

Другая женщина нахмурилась и прошептала:

– Говорят, их убивают, а тела сжигают.

– Тише, а то навлечешь на нас *baxt*, – зашипела пожилая женщина, осеняя себя крестным знамением.

– Да-да, это происходит, когда их уводят мыться в «баню». А потом тела бедолаг сжигают в печах.

– Да это всего лишь слухи. Нацисты не способны на такие зверства. Даже у Гитлера были мать и отец, – пожилая женщина заметно нахмурилась.

– *Бэнг* – вот кто его отец. Сатана, – злобно выплюнула другая.

– Не могу представить, что они дошли до такого, – сказала я.

За последние несколько лет я повидала немало, но ведь даже у человеческой жестокости имеются свои пределы – по крайней мере, тогда я так думала.

Мы вернулись в барак прямо перед ужином, который состоял из куска черного хлеба и свекольного компота. После этого дети сразу легли спать – они были слишком измотаны: слишком много переживаний и недостаточно еды, чтобы сохранить какую-то энергию в такое позднее время.

Когда совсем стемнело, мы с Блазом обсудили сегодняшний день.

– Лагерь справа от нас – это больница, – поведал Блаз. – С другой стороны находится лагерь для еврейских мужчин. Они каждый день уходят на рассвете работать на нацистских фабриках.

– Я очень надеюсь, что завтра нас переведут в новый барак. Не думаю, что он будет намного лучше, чем этот, но, по крайней мере, люди там кажутся добрее, – я не могла придумать, что еще сказать.

Блаз продолжил свой рассказ:

– Я познакомился с детьми и нашел небольшой сарайчик рядом с администрацией.

– Пожалуйста, я же просила тебя не ходить туда, – прервала его я.

Наши утренние злоключения показали, что находиться рядом с охранниками или эсэсовцами очень опасно.

– Не бойся, я не подходил близко. Только посмотрел на барак эсэсовцев за складом. Они ходят туда пить и курить, и еще я видел, как туда заходили несколько девушек из лагеря.

– Я не хочу, чтобы ты туда возвращался. Это слишком опасно, – предупредила я его.

Под стоны, ворчание и перебранку обитателей барака мы наконец заснули.

Следующее утро снова выдалось очень холодным. Небо было ясным, а на земле лежал плотный иней. Крыша барака почти не задерживала морозный воздух снаружи. Мы быстро встали. Я отчаянно цеплялась за надежду на перевод в новый барак. Сходив в уборную и выпив кофе, мы остались внутри. Дети дрожали от холода, и все мы жались друг к другу в попытке согреться, хотя от недостатка калорий в организме это было почти бесполезно.

К нам подошла одна из самых агрессивных русских цыганок с чем-то вроде шила в руке и сказала:

– Мне нужны твои пальто, герцогиня. Моим детям холодно.

Сейчас, когда решается наша судьба: переведут нас в другой барак или нет, мне совсем не хотелось устраивать шумную разборку. Но, с другой стороны, я и не могла позволить этой женщине забрать верхнюю одежду моих детей.

Я посмотрела ей прямо в глаза и спокойно произнесла:

– Мне бы хотелось помочь, но моим детям тоже холодно. Обратитесь за помощью к администрации лагеря.

Тут я заметила, что к нам приближаются две подруги этой женщины. Бороться с тремя, одна из которых вооружена, было бы верхом неразумности.

Тем временем Блаз вскочил, проскользнул между женщинами и поспешил к выходу из барака. Они не смогли его остановить, да никто и не осмеливался выходить из барака в этот час.

– Куда это твой соплик рванул? Ничего, скоро его приволокут сюда, избитого. И поделом. Думаешь, с такими, как вы, не случается ничего плохого? Думаешь, это только мы заслуживаем всех бед в мире?

– Я никому не желаю зла. Мы все здесь находимся несправедливо. И если мы будем помогать друг другу, то, возможно, еще и выкарабкаемся, но если будем вести себя как животные, нацисты расправятся с нами в мгновение ока, – попыталась объяснить я.

Но, похоже, мои убеждения на этих женщин не действовали. Та, что потребовала отдать нашу одежду, сначала замахнулась на меня рукой, в которой было шило, а потом стала размахивать им, подступая ко мне все ближе и ближе. Не сводя с нее глаз, я сняла пальто и намотала его на правую руку. Иоганн мне как-то показывал, как цыгане защищают себя в драке с ножом. Русская цыганка удивленно посмотрела на меня, как бы раздумывая, что делать дальше, но продолжила угрожать нам. Силы явно были неравны – трое на одного, и я понимала, что долго не продержусь.

Младшие дети рыдали, только Отис сохранял спокойствие. Он встал рядом со мной, как будто и вправду мог помочь мне в борьбе с тремя агрессивными женщинами.

Остальные заключенные с детьми столпились вокруг, не желая пропустить такое увлекательное зрелище. Сердце мое бешено колотилось. Во мне вспыхнули остатки жизненной энергии. Я не могла позволить им снова унижить меня.

– Не отдашь по-хорошему, тогда я пощекочу тебя вот этой штукой. Поверь, я не знаю людей, кому бы это доставило удовольствие, – с угрозой произнесла цыганка и сделала первую попытку ударить меня шилом.

Мне удалось увернуться, а свободной рукой я смогла ударить ее в живот. Она вскрикнула и согнулась от боли, но тут же ее подруги набросились на меня и повалили на грязный пол. Та, что напала первой, воспользовалась этим, уселась сверху мне на грудь и приставила шило к горлу. Отис попытался защитить меня и стукнул одну из женщин, но одного ее пинка было достаточно, чтобы он полетел на нары.

– Делай, что я тебе говорю, иначе твои дети останутся без матери. Хотя все равно. Рано или поздно они все равно сдохнут. Такие, как вы, в таком месте долго не живут.

Я попыталась подняться, но две другие женщины крепко держали меня. Я подумала о том, чтобы умолять их, но мои мольбы ничего не изменили бы. На людей в таком животном состоянии не действуют никакие уговоры.

В этот момент в дверях появился Блаз в сопровождении нескольких мужчин и женщин – это к нам на помощь пришли цыгане из четырнадцатого барака.

– Русские, оставьте *гаджо*⁶ в покое! – крикнула пожилая женщина, с которой я познакомилась накануне.

Три мои обидчицы с вызовом встали, но, увидев с дюжину мужчин и женщин, вооруженных ножами и заточками, просто отошли в сторону и позволили немецким цыганам подойти ко мне.

– Собирай свои вещи. Тебе уже разрешили переехать в наш барак, – сказала пожилая женщина, улыбаясь.

Оглядевшись вокруг, она прошептала:

– Не прикасайтесь к ней, понятно? Даже если вы хотя бы подумаете о том, чтобы причинить ей какой-то вред, мы не остановимся, пока вы не умрете. Понятно?

Ее слова произвели желаемый эффект. Я же быстро собрала все наши немногочисленные пожитки и выбежала из барака, крепко прижимая к себе детей. Немецкие цыгане окружили нас, как наши личные охранники, и отвели в свой барак. Причем никто из капо не вмешивался. Очевидно, эти заключенные пользовались каким-то влиянием в лагере, и никто с ними не связывался.

Их барак был немного лучше тех, которые я видела. Здесь было чище, да и заключенных поменьше. Конечно, раем назвать его язык не поворачивался, но, по крайней мере, здесь было меньше ада, чем в первые часы нашего пребывания в Аушвице. Моя новая знакомая показала мне наше место на нарах.

Едва разложив вещи, я почувствовала, как перед глазами у меня все плывет. Не успев сесть, я рухнула на пол. Когда я пришла в себя, вокруг меня стояли несколько женщин, а другие успокаивали детей. Одна положила мою голову себе на колени и, увидев, что я открыла глаза, спросила, когда я ела в последний раз. Она протянула мне нечто похожее на колбасу. Я откусила несколько кусочков – на вкус казалось, что она скоро испортится, – но потом покачала головой и сказала, что лучше отдать еду детям.

⁶ *Гаджо*, или *гадже* (мн. ч. «гадже»), – в цыганской философии обозначение человека, не имеющего романипэ. Таким может быть даже этнический цыган, воспитанный вне рамок цыганской культуры, не имеющий цыганских качеств и не стремящийся принадлежать к цыганскому сообществу. Но все-таки обычно «гаджо» практически означает «нецыган».

– Не волнуйся, мы им тоже сейчас что-нибудь принесем, но и тебе нужно подкрепиться. Если ты не будешь есть, у них не будет матери, которая о них сможет позаботиться. И тогда их отправят в барак для сирот. А там бедняжки долго не протянут.

Я медленно съела остаток колбасы, смакуя ее как восхитительный деликатес. Очень скоро я почувствовала, что ко мне постепенно возвращаются силы. Приподнявшись, я поискала глазами своих детей. Они играли с другими детьми и выглядели более спокойными и менее испуганными, чем всего час назад.

– Вот увидишь, вам всем здесь будет лучше. Конечно, и тут не курорт, но мы стараемся помогать друг другу. И, кстати, завтра ты начнешь работать в больнице. Врачи были просто счастливы, узнав, что в лагере появилась новая медсестра, – говорила пожилая женщина, не переставая улыбаться.

Это была музыка для моих ушей. В таком месте, как Аушвиц, работа могла стать единственным спасением от верной смерти.

Единственное, что меня беспокоило, где будут дети, пока я буду в больнице.

– Не бойся, мы за ними присмотрим.

– Как вас зовут? – спросила я.

– Анна, Анна Розенберг, хотя многие зовут меня просто *Ома*.

В ту ночь я впервые, с тех пор как мы покинули свой квартиру, спала спокойно. Робкие лучи надежды забрезжили передо мной. Теперь я была частью общины, и новые знакомые были готовы помочь мне. Только мысли о муже тревожили меня. Где он? Что с ним? Жив ли он?

Некоторые женщины говорили, что очень трудно установить контакт с кем-то из заключенных за пределами нашего лагеря, но я не хотела отказываться от этой идеи.

Иногда, когда реальность страшна, лучший способ сбежать от нее – немного помечтать. Закрыв глаза, я попыталась представить себе, как сложится наша жизнь, когда закончится этот кошмар. Иоганн точно вернется в филармонию, наши дети пойдут в колледж, и мы купим себе небольшой домик на окраине Берлина. Я очень ясно видела его в своих мечтах.

А когда родятся внуки, мы будем играть с ними у камина, а за окном большими хлопьями будет тихо падать снег и покрывать землю восхитительным белым ковром.

Глава 5

Май 1943 года

Аушвиц

Из всего, о чем я тогда мечтала, единственное, что сбылось, и сбылось уже на следующее утро – это снежный ковер, прикрывший всю грязь в Биркенау. Никто не ожидал снега в конце мая, но тем не менее он выпал, навсегда избавив от боли и страданий многих незащищенных. Работа в последующие недели была изнурительной. Некоторые из давно находящихся в Аушвице заключенных из числа польских военнопленных рассказали мне, что надпись над ведущими в лагерь воротами гласит: «*Arbeit macht frei*»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.